

74
10
462

А. Усманову

П. Блонскій.

ШКОЛА И РАБОЧИЙ КЛАССЪ.

СОВЕТЪ

Цена 60 коп.

300 400

ИЗДАНИЕ
Московского Совета Рабочихъ и
Красноармейскихъ Депутатовъ.

1613/3

1. Народъ и культура.

Великій швейцарскій педагогъ Песталоцци сравниваетъ культуру съ большимъ домомъ, верхній этажъ котораго хотя и сіяетъ красотой высшаго искусства, но живетъ въ немъ очень мало людей; въ среднемъ живетъ больше народу, но ему не хватаетъ лѣстницъ, по которымъ онъ могъ бы по-человѣчески подняться въ верхній этажъ; въ нижнемъ же живетъ безчисленное стадо людей, у которыхъ есть точно такое же право на солнечный свѣтъ и здоровый воздухъ, какъ и у верховъ, но они не только предоставлены самимъ себѣ въ отвратительной темнотѣ безоконныхъ трущобъ, но, при помощи повязокъ и ослѣпляющихъ ихъ зрѣніе средствъ, дѣлаются непригодными даже для того, чтобы только посмотреть на верхній этажъ.

И на вопросъ, почему современное общество держитъ народныя массы въ подвальномъ этажѣ челоуѣческой культуры, почему народъ, съ повязкой на глазахъ, ослѣпленный и темный, отдѣленъ изгородью отъ высшихъ образованныхъ классовъ, почему, говоря словами все того же Песталоцци, „эта изгородь, несмотря на хвастливое самосознаніе нашего прославленнаго всеобщаго просвѣщенія, лишаетъ въ пользу одного челоуѣка десять челоуѣкъ правъ челоуѣка, какъ члена общества, права на обученіе или, по крайней мѣрѣ, отнимаетъ у него возможность воспользоваться этимъ своимъ правомъ“, на вопросъ, почему все это, отвѣтъ несенъ: знаніе и культура—огромныя силы, но... еще приблизительно восемьдесятъ лѣтъ назадъ, когда въ Англіи былъ въ первый разъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы государство давало деньги на содержаніе народныхъ школъ, лордъ сказалъ: „Если бы лошадь знала столько, сколько знаетъ челоуѣкъ, то я бы не ѣздилъ на ней“.

Путь народной школы тернистъ, и исторія ея въ различныхъ странахъ однообразна. Эта исторія можетъ быть разбита на три періода. Сперва усиленно спорили о томъ, нужно ли учить мужика грамотѣ или нѣтъ, при чемъ доказы-

МОСКВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
1918.

вали, что, если мужикъ будетъ грамотнымъ, то онъ перестанетъ слушаться. Иезуиты въ своемъ уставѣ прямо рѣшали, что никто изъ лицъ, употребляемыхъ для домашнихъ услугъ, не долженъ умѣть читать и писать, а кто умѣетъ, того не надо учить далѣе, такъ какъ достаточно и того, если онъ будетъ служить во всей простотѣ и смиреніи учителю нашему Иисусу Христу. У насъ, въ Россіи, Екатерина II писала Салтыкову, что не надо совершенно давать образование простому народу: „когда онъ будетъ знать столько, сколько вы и я, онъ не захочетъ намъ повиноваться такъ, какъ онъ намъ повинуется теперь“. И даже въ XIX вѣкѣ во Франціи Тьеръ утверждалъ, что начальное образование незачѣмъ дѣлать доступнымъ для всякаго, такъ какъ оно роскошь, а роскошь не для всѣхъ и каждаго. И уже во второй половинѣ XIX вѣка у насъ въ Россіи писатель Даль доказывалъ педагогу Ушинскому, что грамота „развращаетъ“ крестьянъ, такъ какъ они тогда становятся недовольными своимъ положеніемъ и не хотятъ работать.

Второй періодъ въ исторіи народной школы—когда правящій классъ, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь ниже, даетъ, наконецъ, народу школу. Однако, глупъ тотъ, кто подумалъ бы, что задача этой народной школы—сломить перегородку, отдѣляющую народъ отъ культуры. Нѣтъ, наоборотъ, задача этой народной школы—надѣть на глаза народа новыя повязки и дать народу новыя ослѣпляющія его зрѣніе средства. Перегородка, отдѣляющая дѣтей народа отъ дѣтей высшихъ классовъ, остается: для народа основываются особыя школы, народныя, низшія, а для дѣтей буржуазіи и бюрократіи существуютъ гимназіи. Школы буржуа и чиновниковъ—несравненно болѣе богатые, въ хорошихъ зданіяхъ, сравнительно хорошо оборудованныя; онѣ открываютъ дорогу къ дальнѣйшему образованію и привилегированному общественному положенію; ихъ учителя получаютъ больше жалованья, имѣютъ права чиновниковъ и льготы по воинской повинности. Школы народныя—убогія

и жалкія; это—загонъ, откуда нѣтъ дальнѣйшей дороги; ихъ учителя получаютъ гроши, имѣютъ малое образованіе, лишены льготъ. Народныя школы, на видъ, бесплатны, но, все же, на содержаніе каждой гимназіи правительство тратитъ гораздо больше денегъ, чѣмъ на соотвѣтствующее число школъ для дѣтей народа. Для народа это дорогой тупикъ, откуда нѣтъ выхода къ общечеловѣческой культурѣ. Въ 1845 г. императоръ Николай I приказывалъ министру сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ. 30 лѣтъ назадъ министръ Александра III Деляновъ предписывалъ учебному началству „дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей“ вовсе не выводить изъ той среды, къ коей они принадлежатъ.

Но этотъ тупикъ для народа—въ то же время и повязка на глазахъ народа. Наполеонъ I говорилъ: „моей главной цѣлью при учрежденіи учительской корпораціи служить желаніе имѣть средства управлять мыслями“. И до сихъ поръ всѣ школы монархическихъ странъ, вѣсто пріобщенія дѣтей къ культурѣ, служатъ той цѣли, которую ярко формулировалъ все тотъ же Наполеонъ: „Всѣ школы учебного вѣдомства должны принять за основу преподаванія вѣрность императору, императорской монархіи, какъ блюстительницѣ народнаго счастья, и наполеоновской династіи, какъ охранительницѣ единства Франціи и всѣхъ либеральныхъ идей, провозглашенныхъ конституціями“. И въ тонъ Наполеону Вильгельмъ II въ 1900 г. ставилъ задачу школѣ—бороться со все усиливающейся социаль-демократіей, чтобы юноши, поступивъ на государственную службу, „дѣйствовали вмѣстѣ съ правительствомъ“. Основная задача народной школы—воспитаніе послушнаго и довѣрчиваго вѣрноподданнаго. Школьное воспитаніе—дисциплина абсолютнаго послушанія, и нравственный ребенокъ учителемъ опредѣляется, какъ послушный ребенокъ. Школьное обученіе—пассивное и некритическое усвоеніе учебного матеріала, образцовое

воспитание пассивного и доверчивого ума. Но послушная воля и некритический ум, надъ воспитаниемъ чего усердно работаютъ учительскія массы разныхъ странъ,—идеальныя качества „вѣрнопопданнаго“ слуги правящихъ классовъ.

Третій періодъ народной школы—современный, когда школа изъ рукъ реакціонныхъ феодаловъ переходитъ въ руки „либеральной“ и „просвѣщенной“ буржуазіи. Ей нужны развитые, обученные рабочіе и служащіе. Подготовку такихъ служащихъ и рабочихъ должна взять на себя народная школа. Двѣ идеи властно владычествуютъ буржуазной педагогикой—идея узкой пользы и идея профессиональнаго обученія. Школа становится не центромъ высшей культуры, но служанкой жизни въ полномъ смыслѣ слова, и мѣщанство въ оцѣнкѣ науки для школы уподобляется пѣтуху, нашедшему въ болотѣ жемчужное зерно, или свинѣ, подрывающей дубъ, приносящей ей желуди. Такъ, на примѣръ, въ знаменитыхъ мюнхенскихъ начальныхъ школахъ Кершенштейнера цѣль изученія ариѳметики—„снабдить ученика пониманіемъ и умѣньемъ рѣшать быстро и вѣрно простыя задачи счета, какъ ихъ обыкновенно ставитъ человѣку жизнь въ хозяйствѣ, ремеслѣ, торговлѣ и общеніи съ другими“. Да и вообще, по мнѣнію Кершенштейнера, „первой и самой настоятельной задачей общественной школы (народной, дополнительной и средней) является профессиональное образованіе или подготовка къ профессіи“. При этомъ Кершенштейнеръ рѣзко противопоставляетъ ручныя профессіи профессіямъ научнымъ: народная школа должна давать образованіе, нужное людямъ ручного труда, а гимназія даетъ образованіе представителямъ умственного труда. Иными словами, дѣти имущаго класса получать свободный доступъ ко всѣмъ благамъ современной культуры, а дѣти трудового народа гонятся, по окончаніи начальной школы, въ дополнительные рабочія школы: „лучшей организаціей народной школы была бы такая, при которой дѣти располагались бы по группамъ, по ихъ будущей профессіи“. Такъ гонятъ буржуазія дѣтей рабочаго класса

въ сторону отъ большой дороги общечеловѣческой культуры въ узкій переулочекъ „рабочей школы“ (Arbeitsschule). Но это еще не все. У мѣщанской педагогики, помимо идеи узкой пользы и идеи „рабочей“ школы, есть еще третья любимая идея: идея государственно-бюргерскаго воспитанія. Подобно тому, какъ въ старину народныя школы превращали въ церковно-приходскія и вплоть до нашихъ дней отдавали подъ надзоръ инспекторовъ, вышедшихъ преимущественно изъ духовной академіи, тогда какъ въ гимназіи законъ Божій существуетъ при двухъ недѣльных часахъ, какъ предметъ, по которому всѣмъ ставятъ пятерки, а, на примѣръ, въ началѣ царствованія Александра I законъ Божій совершенно не изучался дѣтьми высшихъ, такъ и теперь—спеціальное „бюргерское“ воспитаніе заматчивается въ отношеніи къ гимназіи, но усиленно насаждается въ рабочей школѣ. Цѣли бюргерскаго воспитанія Кершенштейнеръ формулируетъ въ статьѣ „Воспитаніе гражданственности“ такъ: 1) пріучить къ совмѣстной работѣ; 2) включить отдѣльную личность и ея работу въ общій хозяйственный планъ; 3) ввести въ школу самоуправленіе съ его стремленіемъ къ примиренію противорѣчащихъ интересовъ и съ его добровольнымъ подчиненіемъ отдѣльной личности всѣмъ признанному авторитету. Въ переводѣ на языкъ реальной жизни такое „бюргерское“ воспитаніе учениковъ „рабочей школы“ означаетъ: 1) умѣніе работать въ общей мастерской; 2) включеніе отдѣльной личности рабочаго въ общій хозяйскій планъ; 3) внушеніе рабочему примирять свои интересы съ интересами капитала и добровольно подчиняться „высшимъ властямъ“. Теперь намъ понятно, почему „бюргерское“ воспитаніе усиленно культивируется въ рабочей школѣ и признается излишнимъ въ гимназіи для дѣтей буржуазіи. Итакъ, „рабочія школы“ буржуазіи, это не школы общечеловѣческой культуры, но фабрики послушной и доброкачественной рабочей семьи.

Путь народной школы тернистъ. Она всегда орудіе въ рукахъ правящаго класса, который мало заинтересованъ

въ народномъ просвѣщеніи. Но все-таки этотъ тернистый путь—путь впередъ: отъ всеобщей безграмотности къ царской школѣ и отъ послѣдней къ „рабочей школѣ“ „мюнхенскаго тайнаго совѣтника Кершенштейнера“. Какія же причины заставляютъ правящій классъ давать и расширять народное образование? Такихъ причинъ три. Первая—народное образование есть сила, дѣлающая государство могущественнымъ. Патриотическая только на словахъ, эгоистическая до крайней близорукости, буржуазія стремится лишь къ собственной выгодѣ и силѣ, игнорируя силу государства. Но государству приходится сталкиваться съ другими государствами, и темный невѣжественный народъ терпитъ рядъ поражений на войнѣ. Но когда гибнетъ страна, гибнетъ и населяющая эту страну буржуазія. Ради собственного самосохраненія она вынуждена дать народу хотя бы немного просвѣщенія. Такъ, въ Германіи толчокъ къ народному образованию дали неудачныя войны съ Наполеономъ, родившія знаменитыя „Рѣчи къ нѣмецкой націи“ Фихте. Такъ, во Франціи неудачная война 1870—1871 г. съ нѣмцами создаетъ коренную реформу народнаго образования. Такъ, въ Россіи черезъ годъ послѣ неудачной севастопольской войны печатаются „Вопросы жизни“ Пирогова, первая значительная статья родоначальника новой русской педагогики, а послѣ неудачной японской войны въ февралѣ 1907 г. вносится законопроектъ о всеобщемъ обученіи, и общество переживаетъ увлеченіе педагогической психологіей. Вторая причина—знаніе дѣлаетъ народъ богатымъ. Близорукая въ своей алчности, буржуазія склонна морить голодомъ народъ—курицу, несущую ей золотыя яйца. Но когда эта курица чахнетъ, увядаетъ и буржуазія. Невозможность для страны оставаться темной и нищей деревней, когда сосѣди—богатыя промышленныя страны, невозможность развитія промышленности безъ наличности развитыхъ рабочихъ—вотъ что заставляетъ буржуазію замѣнять жалкую царскую школу усовершенствованной „рабочей“ школой. Третья причина—ростъ и могущество

демократіи. Во Франціи первый планъ широкаго народнаго образованія возникаетъ въ эпоху великой французской революціи, первый органическій законъ о народномъ образованіи вносится спустя 2 года послѣ второй революціи (1830 г.), впервые говорятъ о всеобщемъ образованіи въ революціонномъ 1848 г. Въ Англіи первая демократическая избирательная реформа происходитъ въ 1832 г., а въ 1833 г. англійское государство впервые оказываетъ матеріальную поддержку народной школѣ; въ 1838—1839 г. революціонное движеніе чартистовъ достигаетъ высшаго развитія, и въ 1839 г. впервые организуется вѣдомство воспитанія (наше министерство нар. просвѣщенія) вмѣсто прежняго господства частной инициативы и частной благотворительности; въ 1867 г. происходитъ вторая демократическая избирательная реформа, и въ 1870 г. создается знаменитая школьная реформа, учредившая комитеты воспитанія на мѣстахъ. Во всей Европѣ блещетъ своимъ образованіемъ демократическая республика Швейцаріи, гдѣ на 3 мил. жителей 5 университетовъ, не считая высшихъ специальныхъ школъ. Страна дѣтскихъ садовъ, школъ, дворцовъ и бесплатной начальной и средней школы—Американская демократическая республика. Въ Россіи земская школа создается послѣ освобожденія крестьянъ, законъ о всеобщемъ образованіи принимается въ 1907 г., и теперь, послѣ революціи 1917 г., кипитъ повсюду работа надъ созданіемъ новой школы.

Песталоцци уже вѣкъ назадъ писалъ: „Вся природа и вся исторія вызываютъ къ человѣческому роду: каждый долженъ заботиться о себѣ самъ, никто не позаботится о немъ и никто и не можетъ о немъ заботиться, и самое лучшее, что можно сдѣлать для человѣка, это—научить его дѣлать это самому“. Ту же самую мысль впослѣдствіи выскажетъ и „Коммунистическій Манифестъ“ Маркса и Энгельса: освобожденіе рабочихъ—дѣло рукъ самихъ рабочихъ. Только рабочий классъ выведетъ рабочий классъ изъ подвального этажа человѣческой культуры, и только народъ сдѣ-

даетъ для народа доступнымъ общечеловѣческое образованіе. Наивно думать, что буржуазія когда-либо откроетъ широкій доступъ къ общей культурѣ дѣтямъ пролетаріата: у нея найдутся деньги лишь для „низшихъ“ и „профессиональных“ школъ, да для своихъ дѣтей.

2. Вырожденіе буржуазной культуры.

Современная буржуазія охотно поучаетъ нравственнымъ идеаламъ народныя массы, но сама этихъ идеаловъ чужда. Она много кричитъ о религіозномъ воспитаніи народа, но сама, вмѣсто Христа, молится прибыли и власти, и законъ Божій въ школахъ буржуазіи, мы видѣли, только формальность. Она громко кричитъ о бюргерскомъ воспитаніи дѣтей рабочаго класса, но сама своихъ дѣтей въ своихъ школахъ гражданами не дѣлаетъ: здѣсь уроки исторіи де есть. Она усиленно кричитъ о томъ, чтобы народъ своимъ трудомъ увеличивалъ богатство страны и чтобы народъ въ солдатскихъ шинеляхъ усиливалъ мощь страны, и она же, держа народъ въ подвалѣ культуры, не даетъ развиваться производительности національнаго труда и въ темнотѣ невѣжества и бѣдности душитъ таланты и силы народа. Она любитъ кричать о либерализмѣ и свободѣ, забывая, что стыдно говорить о свободѣ людей въ той странѣ, гдѣ „прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить неразуміе дѣтей и людей, дабы строить на немъ промышленныя предприятия и получать изъ него прибыль“ (Песталотци). Она любитъ декламировать о необходимости національнаго единства, и въ то же время отчужденіемъ народа отъ общей культуры создаетъ внутри страны, какъ на это еще указывалъ мыслитель великой французской революціи Кондорсэ, два народа, раздѣленныхъ образованіемъ, правами, характеромъ и убѣжденіями. Ложь и лицемеріе—основныя черты буржуазіи.

Современная буржуазія—опасность для человѣческой культуры. Проф. Виноградовъ, нашъ всемірно извѣстный

историкъ, убѣдительно показалъ, что одна изъ главныхъ причинъ, почему великая греко-римская образованность смѣнилась ночью суевѣрнаго средневѣковья, это то обстоятельство, что древняя образованность была тонкой аристократической пленкой, покрывающей толщу невѣжества угнетенныхъ народныхъ массъ. Но и современная культура—также точно такая пленка, также достояніе только немногочисленныхъ высшихъ общественныхъ круговъ. И уже теперь наиболѣе дальновидные ученые говорятъ объ опасномъ положеніи высшаго образованія въ томъ случаѣ, если народныя массы застынутъ на теперешней низкой ступени: „Будущее высшаго образованія надо считать потеряннымъ, если его носители не придутъ къ сознанию того, что нравственное обязательство тѣхъ, кому много дано, не поддается никакой отсѣлкѣ. Демократія только тогда помирится съ ученымъ образованіемъ, когда ее приведутъ къ тому, чтобы она уважала прошлыя заслуги науки, признавала ея теперешнюю цѣнность и приобрѣла бы и на будущее довѣріе къ *честности ея нампреній*“. Если культура и въ дальнѣйшемъ будетъ находиться въ рукахъ только буржуазіи, культура погибла.

Современная буржуазія безстыдно держитъ науку голодной и платитъ бѣшенныя деньги продавшимъ капиталу свой умъ и свою совѣсть журналистамъ. Она преслѣдуетъ работу великой научной мысли. Въ исторіи буржуазіи самыя позорныя страницы—отношеніе буржуазіи къ наукѣ. Почти всѣ великія научныя открытія были ею отвергнуты. Геніальная книга Канта „Всеобщая естественная исторія и теорія неба“, открывшая вмѣстѣ съ трудами Ньютона Европѣ новую астрономію и безсмертная донинѣ, была, за отсутствіемъ покупателей, продана лавочникамъ на вѣсъ бумаги. Лондонское королевское общество отказалось напечатать, какъ „мало научный“, трудъ Джоуля, въ которомъ было сдѣлано опредѣленіе механическаго эквивалента теплоты, т.-е. былъ научно обоснованъ тотъ великій законъ сохраненія энергіи, на которомъ основаны современные физика

и химія. Французская академія наукъ не признала Дарвина, а петербургская—Менделѣева. „Капиталь“ Маркса быть встрѣченъ молчаніемъ буржуазныхъ экономистовъ. Такимъ образомъ, буржуазія—врагъ истины, которую она считаетъ ложью или тенденціозностью, потому что истина—ея врагъ. Точно такъ же и въ техническомъ отношеніи буржуазія на рѣдкость бездарна: „Развѣ не поразительно то, что въ первоначальномъ своемъ видѣ паровая машина, пароходъ, телефонъ, фонографъ, машины ткацкая и кружевная, освѣщеніе и замощеніе улицъ, хромофотографія и тысячи другихъ менѣе важныхъ вещей были изобрѣтены вовсе не людьми науки,—хотя ни одинъ изъ нихъ не отказался бы соединить своего имени съ любымъ изъ вышеупомянутыхъ открытій,—но не получившими почти никакого образованія людьми, которые подбирали только крохи знаній и производили опытъ самыми примитивными способами. Секретарь стряпцаго Смитсонъ, слесарь Уаттъ, кондукторъ Стефенсонъ, ученикъ ювелира Фультонъ, мельникъ Ренни, каменщикъ Тельфордъ и сотни другихъ, имена которыхъ остались неизвѣстными, были, по вѣрному выраженію Смайльса, настоящими творцами современной цивилизаціи“ (Кропоткинъ).

Нелюбящая научной истины и бездарная въ области техники, буржуазія искусство сдѣлала развратомъ. „Вслѣдствіе безвѣрія и исключительности жизни богатыхъ классовъ и искусство этихъ классовъ обдѣлѣло содержаніемъ и свелось все къ передачѣ чувствъ тщеславія, тоски жизни и, главное, половой похоти... Кромѣ того, становясь все болѣе и болѣе исключительнымъ, оно становилось все болѣе и болѣе сложнымъ, вычурнымъ и неяснымъ“, такъ пишетъ великій романистъ и мыслитель Левъ Толстой въ книгѣ „Что такое искусство?“, единогласно отвергнутой бездарными буржуазными критиками. Вотъ его характеристика буржуазнаго искусства: „Отъ Бокаччіо до Марселя Прево всѣ романы, поэмы, стихотворенія передаютъ непремѣнно чувство половой любви въ разныхъ ея видахъ. Прелюбодѣяніе

есть не только любимая, но единственная тема всѣхъ романовъ. Спектакль—не спектакль, если въ немъ подѣ какимъ-нибудь предлогомъ не появляются оголенные сверху или снизу женщины. Романы, пѣсни—это все выраженіе похоти въ разныхъ степеняхъ опозитизированія. Большинство картинъ французскихъ художниковъ изображаютъ женскую наготу въ разныхъ видахъ. Во французской новой литературѣ едва ли есть страница или стихотвореніе, въ которой не описывалась бы нагота“. Но вѣдь и русское предреволюціонное искусство также все пропитано порнографіей, вычурностью и непонятностью. Толстой слишкомъ мягко выражался, когда писалъ: „Мало того, что, вслѣдствіе своего отдѣленія отъ всенароднаго искусства, искусство высшихъ классовъ стало бѣднымъ содержаніемъ и дурнымъ по формѣ, т.-е. все болѣе и болѣе непонятнымъ,—искусство высшихъ классовъ съ теченіемъ времени перестало даже и быть искусствомъ и стало замѣняться поддѣлкой подѣ искусство“. Мы должны сказать рѣзче: буржуазія опошילה и испакостила искусство, сведя его къ порнографіи и бреду.

Всѣ лучшіе умы самыхъ различныхъ направленій вынесли уже давно смертный приговоръ культурѣ чиновниковъ, промышленниковъ, торгашей и банкировъ: „грязь внизу, грязь наверху, повсюду грязь и грязь“ (Зола); „каждый изъ насъ, чувствуя вокругъ себя пустоту, пустоту неизмѣримую, въ которой трепещетъ наше сердце, въ которой мечется наша мысль, идетъ словно сумасшедшій“ (Мопассанъ); „встрѣча двухъ пресыщенностей и состязаніе двухъ развращенностей—вотъ въ чемъ прогрессъ нашей эпохи“ (Бурже); „наступило огромное, глубокое, неизмѣримо глупое и грубое господство финансиста и выскочки, возсіявшее словно отвратительное солнце“ (Ан. Франсъ); „судьба нашего общества и нашей цивилизаціи подобна судьбѣ слишкомъ высокихъ зданій съ слишкомъ сложной архитектурой: искусствомъ многихъ поколѣній архитекторовъ они могутъ быть до нѣкотораго времени поддержаны, но въ концѣ все-таки раз-

летятся въ прахъ" (Эд. Родъ). Такъ поютъ отходную сгнившей буржуазной культурѣ представители самыхъ различныхъ направлений. Да и въ повседневной жизни слово „буржуазность“ синонимъ слова „пошлость“.

Нѣкоторые изъ слишкомъ прямолинейныхъ демократовъ и часть доморощенныхъ социалистовъ видятъ рѣшеніе проблемы народнаго воспитанія въ томъ, чтобы сдѣлать народу доступнымъ школы буржуазіи. Они очень легко удовлетворяются „согласованіемъ народной школы съ буржуазной“ и облегченіемъ поступленія изъ начальной школы въ гимназіи.

Они забываютъ, что нельзя органически согласовать то, что глубоко различно по самому своему духу, и они не видятъ, что, при существующихъ условіяхъ, поступать изъ школы въ гимназію могутъ только одиночки, но воспитаніе народа есть воспитаніе народа, а не отдѣльныхъ дѣтей изъ народа: воспитаніе человѣка есть „отдѣлка отдѣльныхъ звеньевъ большой цѣпи, которыя соединяются вмѣстѣ и связываютъ собой все человѣчество въ одно цѣлое, и ошибки въ воспитаніи и обученіи человѣка состоятъ большей частью въ томъ, что отдѣльные звенья какъ бы отрываются отъ цѣпи, и надъ ними производятся искусственные опыты такъ, какъ будто они существуютъ сами по себѣ, а не составляютъ колецъ одной цѣпи“ (Песталоцци). Да и что такое буржуазная гимназія, и насколько цѣнно даваемое ею образование? Мы оставимъ въ сторонѣ русскую гимназію, признанную негодной еще царскимъ правительствомъ, и рассмотримъ гимназію на Западѣ. Сынъ западно-европейскаго буржуа въ своемъ образованіи совершенно отдѣленъ отъ сына народа: въ томъ возрастѣ, когда послѣдній поступаетъ въ народную школу, первый поступаетъ въ подготовительный классъ гимназіи или лицея. Гимназія воспитываетъ ребенка буржуа въ полномъ духовномъ отчужденіи отъ народа. Но не только отъ народа, а и вообще отъ жизни. Съ 6 до 18 лѣтъ ученикъ сидитъ пригвожденный къ партѣ и книжкамъ. Школа не даетъ ему знанія ни современнаго общества,

ни современнаго искусства, ни современной литературы. Она самымъ тщательнымъ образомъ консервируетъ душу юнаго буржуа, дѣлаетъ его глухимъ къ голосамъ жизни и слѣпымъ по отношенію къ современности и забиваетъ его голову массой ненужныхъ безжизненныхъ знаній. Больше того. Нынѣ на всемъ пространствѣ „культурной“ Европы происходитъ то, что можно назвать „комедіей неученія“: вмѣсто науки изучаютъ по книжкѣ страницы заданнаго урока, съ тѣмъ, чтобы, постѣ спроса, все позабыть; экзаменъ является экзаменомъ не знаній, но умѣнія „не растеряться“, какой-то условностью, какихъ очень много въ буржуазной ложно-культурѣ. Отчужденный отъ народа и жизни, развращенный школьной комедіей неученія, юный буржуа въ пансіонахъ Франціи и Англіи отчуждается и вообще отъ всякой практической жизни: вся жизнь его проходитъ по установленному расписанію; за него другіе подумали о его времени, о его снѣ, о его одеждѣ, пищѣ и комнатѣ. Воспитывается человѣкъ, совершенно безпомощный въ практической жизни, и юные буржуа и буржуазныя „барышни“ даже щеголяютъ своей непрактичностью, доходящей до идиотизма. Но зато гимназія своимъ воспитанникамъ даетъ—сознаніе антагонизма между „умственнымъ“ и „физическимъ“ трудомъ. Въ гимназіи абсолютно отсутствуетъ физическій трудъ, а умственный окруженъ ореоломъ, и въ результатѣ духовная бездна между рабочимъ и сыномъ буржуа еще болѣе ширится и углубляется. Въ будущей жизни какой-нибудь канцеляристъ-чиновникъ, всю жизнь механически проработавшій надъ бумагами глазами, пальцами правой руки и поясницей, считаетъ себя безконечно выше квалифицированнаго рабочаго, организующаго сложную машинную работу. Этотъ чиновникъ, спекулянтъ или, еще лучше, кутящій съ кокотками „сынъ богатыхъ родителей“ полонъ сознанія духовнаго превосходства надъ рабочимъ специалистомъ.

Но одному буржуазная школа, дѣйствительно, научаетъ. При поступленіи въ школу и при переходѣ въ высшую

школу держится „конкурсный“ экзаменъ. Во время обученія во французской и, особенно, въ английской школѣ все въ жизни ученика построено на конкуренціи: во Франціи идетъ борьба за награды; Англія и ученіе и досугъ ученика превращается въ спортивное состязаніе. Учителя всего міра учатъ дѣтей вести индивидуально свою работу и, въ случаѣ удачи, закрывать успѣхъ своей работы отъ товарища локтемъ. И если мы вспомнимъ, что основной законъ буржуазнаго общества—борьба за жизнь и бѣшеная конкуренція, мы поймемъ социальное значеніе подобной школьной „подготовки къ конкурсу“. Мы, русскіе, и понятія не имѣемъ, до чего развита на крайнемъ Западѣ Европы эта подготовка юнаго буржуа къ житейскому состязанію. Такъ проходятъ годы ученія буржуа въ отчужденіи отъ народа, дѣйствительности и производительнаго и физическаго труда, годы подготовки къ борьбѣ за жизнь и карьеру и внушенія презрѣнія къ трудовому народу при полномъ незнаніи его.

Каковъ же итогъ? Освѣдомимся сначала объ умственномъ развитіи того, кто получилъ „аттестатъ зрѣлости“ и съ гордостью считаетъ себя интеллигентнымъ. Возьмемъ его подъ руку и попутешествуемъ съ нимъ по Москвѣ, разспрашивая его о томъ, что попадаетъ на каждомъ шагѣ. Вотъ трамвай, но знаетъ ли онъ что-либо объ организаціи трамвайнаго дѣла?—„Этому въ гимназіи не учили“. Вотъ Ильинка съ ея банками и биржей—царями и царицей современной экономической жизни, но что знаетъ объ этомъ нашъ „зрѣлый“ юноша? А что онъ разскажетъ намъ о торговлѣ Москвы, онъ, живущій въ центрѣ русской торговли? Покупаемъ газету—что пойметъ онъ въ ней, ничего не знающій о борьбѣ политическихъ теченій въ послѣднее десятилѣтіе въ Англіи, Франціи и Германіи, объ эволюціи англійскаго и германскаго капитала? Попросите нашего „зрѣлаго“ разсказать что-нибудь о заводѣ или деревенскихъ ремеслахъ сосѣдней губерніи—полное незнаніе. Попросите разсказать о торговлѣ и бытѣ Западной Сибири—„забылъ или не

учили“. Поговорите съ нимъ о самыхъ простыхъ машинахъ, о составѣ самыхъ распространенныхъ веществъ, попросите сдѣлать перевязку. Спросите его о тысячахъ подобныхъ вещей изъ любой области техники, социальной жизни и т. п., изъ того, что является основой современной человѣческой жизни, и если вы хотите быть справедливымъ, вы должны безъ всякаго колебанія признать нашего „зрѣлаго“ и „интеллигентнаго“ современнаго молодого буржуа дикаремъ въ современной жизни. Да, это дикарь, и не ему, въ массѣ, творить культурныя цѣнности. Черезъ нѣсколько лѣтъ, пройдя специальную школу, этотъ дикарь станетъ инженеромъ, коммерсантомъ, юристомъ, докторомъ, фабрикантомъ, банкиромъ и будетъ жить всю свою жизнь съ душой и глазами дикаря. И душа истинно культурнаго человѣка должна затрепетать при видѣ нашего „зрѣлаго“ юноши—дикаря, который, если жизненный крахъ въслѣдствіи выбьетъ его изъ налаженной колеи конторы, канцеляріи или кабинета, моментально попадетъ въ группу „кандидатовъ въ голодные“, какъ цинично называлъ Вильгельмъ II воспитанниковъ современной гимназіи.

Но современный образованный буржуа—дикарь не только умомъ. „Предо мною“, описываетъ наблюдательный французскій писатель Бурже, „въ настоящее время два типа молодыхъ людей—двѣ формы соблазна, одинаково страшныя и гибельныя. Одинъ—циникъ, всегда готовый посмѣиваться. Онъ въ двадцать лѣтъ окончилъ счеты съ жизнью, и его религія сводится къ одному слову „наслажденіе“, которое переводится также и другимъ „успѣхъ“... Другой обладаетъ всей утонченностью нервовъ и ума и можетъ быть названъ интеллектуальнымъ и утонченнымъ эпикурейцемъ. Для него нѣтъ ничего истиннаго, ничего ложнаго, ничего нравственнаго, ничего безнравственнаго. Это тонкій и образованный эгоистъ, котораго все тщесловіе состоитъ въ обожаніи своего я, въ украшеніи его все новыми ощущеніями“. Сердце современнаго буржуа или живетъ конкуренціей и

жаждой прибыли, золота, власти и разврата или пусто и, увядая, ищет забвенья отъ этой пустоты мѣщанской духовной жизни. Какъ спартанцы показывали дѣтямъ пьяныхъ рабовъ, такъ вы, пролетаріи, показывайте своимъ дѣтямъ досуги „декадентовъ“ и „футуристовъ“ духовнаго мѣщанства.

3. Полное образованіе и пролетаріатъ.

Капиталь, по словамъ Маркса, „пришелъ въ міръ, истекая кровью и грязью изъ всѣхъ своихъ поръ“. И однимъ изъ первыхъ словъ капиталистическаго производства было разрушеніе семьи рабочаго и уничтоженіе его дѣтства. Если внѣ городовъ, въ „идіотизмъ“ деревенской жизни, дѣти крестьянъ воспитывались „вмѣстѣ съ свиньями“, то, все же, эти дѣти имѣли и возможность играть, и чистый здоровый воздухъ, и, временами, родительскую ласку. Но въ городѣ, царствѣ фабрикъ и торговыхъ предпріятій, дѣти лишены всего этого. „Поскольку машины дѣлаютъ мускульную силу излишней, онѣ становятся средствомъ для примѣненія рабочихъ безъ мускульной силы или съ недостаточнымъ тѣлеснымъ развитіемъ, но съ болѣе гибкими членами. Женскій и дѣтскій трудъ былъ поэтому первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ. Такимъ образомъ, машины, эти грандіозные по своему значенію замѣстители труда и рабочихъ, тотчасъ же превратились въ средства—увеличивать число наемныхъ рабочихъ, подчиняя всѣхъ членовъ рабочей семьи, безъ различія пола и возраста, непосредственному владычеству капитала“. Такъ капиталъ отнялъ у пролетарскаго ребенка мать и превратилъ его самого въ простую машину для фабрикаціи прибавочной цѣнности. Въ итогъ получается громадное социальное бѣдствіе: физическое истощеніе, умственное одичаніе и нравственная развращенность молодого населенія страны.

Государство и общество оказалось вынужденнымъ вмѣшаться въ двойную бухгалтерію капитала: работа и улица

для дѣтей пролетаріата; игра и духовная культура для дѣтей буржуа. Былъ поставленъ вопросъ о соотношеніи между дѣтскимъ трудомъ и школой. Хуже всего этого вопросъ рѣшенъ въ Россіи. У насъ нѣтъ обязательнаго всеобщаго обученія. Въ связи съ этимъ, открытіе школы при фабрикѣ предоставлено исключительно усмотрѣнію владѣльца предпріятія, фабричнаго инспектора и учебной администраціи. И только въ томъ случаѣ, если есть при фабрикѣ или вблизи ея школа, капиталистъ обязанъ дать возможность малолѣтнимъ до 15 лѣтъ посѣщать школу не менѣе 3 часовъ ежедневно, при чемъ время ихъ работы должно быть приспособлено къ времени школьныхъ занятій. Гораздо удовлетворительнѣй англійское законодательство. Въ Англіи трудъ малолѣтнихъ допускается съ 12 лѣтъ (съ 12 до 14 лѣтъ рабочій день равенъ 7 часамъ), при чемъ фабрикантъ обязанъ для своихъ рабочихъ до 14 лѣтъ давать возможность оканчивать школу. Это осуществляется посредствомъ „системы половиннаго времени“: время, идущее на фабрику и школу, распредѣляется между ними пополамъ въ томъ смыслѣ, что, напримѣръ, утрення смѣна идетъ на фабрику, а послѣобѣденная отдается школѣ. Но ясно, что, во-первыхъ, заканчивать образованіе въ 14 лѣтъ рано и, во-вторыхъ, школьная работа, хотя бы въ 3 урока, послѣ семичасоваго фабричнаго труда, не плодотворна. Въ виду всего этого въ 1914 г. въ Англіи былъ выработанъ новый законопроектъ. Согласно ему, совершенно запрещается наемъ дѣтей въ предпріятія до 17 л., а уличный торгъ до 18 лѣтъ. Война задержала осуществленіе этого законопроекта.

Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что о воспитаніи дѣтей рабочаго класса можно говорить, если будутъ предварительно осуществлены слѣдующія мѣры: 1) вводится обязательное и доступное всеобщее обученіе до года гражданскаго совершеннолѣтія; 2) совершенно запрещается наемъ въ какія бы то ни было предпріятія несовершеннолѣтнихъ; 3) надзоръ за исполненіемъ этихъ мѣръ пору-

чается особой достаточно многочисленной комиссией при местном комитетѣ воспитанія, при непрерывномъ участіи въ этой комиссiи большого числа представителей рабочаго класса.

Однимъ изъ первыхъ, кто обратилъ вниманіе на проблему воспитанія трудового народа и дѣтей рабочаго класса, былъ Песталоцци. Онъ возстаетъ противъ превращенія дѣтей бѣдняковъ въ придатки къ машинамъ ближайшихъ фабрикъ: „сынъ страждущаго, потеряннаго, несчастнаго не для того только здѣсь, чтобы вертѣть колесо, ходъ котораго возносить гордаго бюргера“. Но онъ возстаетъ также и противъ уже тогда замѣчавшейся попытки имущихъ классовъ создавать „профессіональныя школы“, дѣлать изъ школы мѣста фабрикаціи нужныхъ капиталу обученныхъ рабочихъ: „цѣль воспитанія, повидимому, не въ томъ, чтобы солдаты, портные, торговцы или сапожники были таковыми хорошими; но въ томъ, чтобы портные, солдаты и др. были людьми въ высшемъ смыслѣ этого слова“; „цѣль всякаго воспитанія и обученія есть и не можетъ быть иной, какъ гармоническое развитіе силъ и способностей человѣческой природы“; „цѣль воспитанія есть развитіе человѣка въ цѣломъ со всѣми его нравственными, физическими и умственными силами“. Но Песталоцци сознаетъ, что измѣненіе способа производства и развитіе промышленности дѣлаетъ необходимымъ созданіе новыхъ приѣмовъ воспитанія. Воспитаніе должно приспособиться къ новымъ условіямъ общественнаго хозяйства. Именно, для Песталоцци ясно, что народное образованіе должно соединять обученіе съ ручнымъ трудомъ. По его мнѣнію, обученіе должно исходить изъ дѣятельности ребенка и его дѣйствительнаго общественнаго положенія, и, съ этой точки зрѣнія, образованіе должно быть единымъ и неразрывнымъ образованіемъ головы, сердца и руки. Песталоцци на личномъ опытѣ убѣдился, что обученіе только тогда идетъ хорошо, когда оно соединяется съ ручнымъ производительнымъ трудомъ.

Мысли Песталоцци были развиты англійскимъ социалистомъ Оуэномъ. Онъ придаетъ воспитанію огромное зна-

ченіе. Человѣкъ, самъ по себѣ, ни плохъ, ни хорошъ; онъ то, что дѣлаетъ изъ него общественная среда и воспитаніе. Поэтому вопросъ о воспитаніи рабочаго класса имѣетъ огромное значеніе. Для дѣтей должны быть созданы при фабрикахъ школы, и онъ учреждаетъ подобныя школы при своей фабрикѣ въ Нью-Ланаркѣ, въ Шотландіи. Оуэнъ первый отчетливо поставилъ вопросъ о воспитаніи рабочаго класса, при чемъ свою школу онъ создалъ согласно мысли Песталоцци о соединеніи производительнаго труда съ обученіемъ. Отнынѣ такое обученіе явится основной чертой пролетарской педагогики. При этомъ Оуэнъ особенно надѣялся на процвѣтаніе такихъ школъ въ основанной имъ въ Америкѣ въ штатѣ Индіанѣ коммунистической колоніи „Новая Гармонія“. Иными словами, онъ соединялъ пролетарскую школу съ коммунистическимъ обществомъ. Но такъ какъ Оуэнъ думалъ основать коммунистическое общество въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства, то его планы окончились неудачей.

Песталоцци только предчувствовалъ необходимость новаго воспитанія соотвѣтственно новымъ условіямъ хозяйственной жизни. Оуэнъ создавать коммунистически-пролетарскую педагогику, еще не задумываясь о ея обоснованіи. Вплотнѣ же отчетливо только Марксъ поставилъ въ связь новую педагогику съ новыми условіями производства, съ фабричной системой. По мнѣнію Маркса, въ фабричной системѣ выросъ зародышъ воспитанія будущаго, которое для всѣхъ дѣтей свыше извѣстнаго возраста соединить производительный трудъ съ обученіемъ и гимнастикой, и это будетъ не только методомъ повышенія общественнаго производства, но и единственнымъ методомъ созданія всесторонне развитаго человѣка. Настоящий секретъ образованія состоитъ въ соединеніи работы и обученія въ дѣтскомъ возрастѣ, отъ каковаго соединенія выиграваютъ и обученіе и работа.

Капиталистическое хозяйство исполнено противорѣчій. Крупная промышленность въ своей капиталистической формѣ,

технически упразднивъ мануфактурный способ раздѣленія труда съ его пожизненнымъ прикрѣпленіемъ всего человѣка къ одной детальной операци, тѣмъ не менѣе, воспроизвела его въ еще болѣе чудовищныхъ размѣрахъ, превративъ рабочаго въ одаренную сознаниемъ принадлежность машины. Противорѣчіе между мануфактурнымъ способомъ раздѣленія труда и природой крупной промышленности проявляется, между прочимъ, въ томъ ужасномъ фактѣ, что большинство дѣтей, работающихъ въ современныхъ фабрикахъ и мануфактурѣ, прикованныхъ съ самаго нѣжнаго возраста къ самымъ простымъ манипуляціямъ, цѣлые годы эксплуатируются, не научаясь никакой работѣ, благодаря которой они могли бы потомъ быть пригодными хотя бы на этой же самой фабрикѣ или мануфактурѣ. Это совершенно одичалыя существа, которыя, не получивъ школьнаго образованія, не способны, когда станутъ слишкомъ взрослыми для своей дѣтской работы, занять болѣе доходное и отвѣтственное мѣсто. Соединеніе труда съ образованіемъ необходимо для труда.

Съ другой стороны, принципъ крупной промышленности, состоящий въ томъ, чтобы разлагать каждый процессъ на его составные элементы, независимо отъ выполненія ихъ рукой человѣка, создалъ всю современную научную технологию. Технология открыла также тѣ немногія великія основныя формы движенія, въ которыхъ, несмотря на все разнообразіе употребляемыхъ инструментовъ, совершается обязательно всякая производительная дѣятельность человѣческаго тѣла, подобно тому, какъ механика, при всей сложности дѣйствующихъ въ промышленности механизмовъ, ясно видитъ въ нихъ подлинное повтореніе простыхъ машинъ. Современная промышленность никогда не считаетъ данной формы какого-либо процесса производства окончательной. Буржуазія не можетъ существовать, не революціонируя постоянно орудій труда, а этимъ самымъ и условій производства. Промышленность съ ея вѣчными переворотами въ техникахъ постоянно революціонируетъ раздѣленіе труда

внутри общества и непрерывно перебрасываетъ массы капиталовъ и рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Природа крупной промышленности обуславливаетъ поэтому перемѣну труда, постоянный потокъ дѣятельностей и всестороннюю подвижность рабочаго. Такимъ образомъ, сама крупная промышленность своими катастрофами дѣлаетъ для себя вопросомъ жизни и смерти — признать постоянныя перемѣны въ сферѣ труда и, поэтому, возможно большую разносторонность рабочихъ всеобщимъ закономъ общественнаго производства. Она дѣлаетъ вопросомъ жизни и смерти для себя замѣну чудовищнаго порядка, при которомъ жалкое запасное рабочее населеніе держится про запасъ для измѣнчивыхъ потребностей капитала въ эксплуатаціи, такимъ строемъ, при которомъ каждый человѣкъ становится безусловно годнымъ для разныхъ мѣняющихся потребностей общества въ трудѣ; при которомъ индивидуумъ — „часть“, простой носитель детальной общественной функции, замѣняется всесторонне развитымъ индивидуумомъ, упражняющимся въ различныхъ общественныхъ функцияхъ. Такъ, Марксъ показалъ необходимость всесторонняго образованія, состоящаго въ соединеніи труда съ обученіемъ и практическаго технического обученія съ теоретической технологіей, необходимость, вытекающую изъ самыхъ условій развитія капиталистическаго производства.

Итакъ, само историческое развитіе требуетъ отъ насъ отказа отъ метода буржуазнаго образованія, противоположающаго умственный трудъ физическому. Пролетарская, или социалистическая, педагогика объединяетъ оба вида труда въ единомъ полномъ образованіи. Подробную картину такого „полнаго“ образованія даетъ анархистъ-коммунистъ Кропоткинъ. Онъ указываетъ на то, что подъ предлогомъ раздѣленія труда мы провели рѣзкую границу между умственнымъ и ручнымъ трудомъ. Въ противоположность этому Кропоткинъ утверждаетъ, что какъ въ интересахъ науки и промышленности, такъ и въ интересахъ всего общества

каждый человек без различия правъ рожденія и состоянія долженъ получать научное образованіе на ряду съ изученіемъ ремеслъ. Онъ вполне признаетъ необходимость спеціализаціи знанія, но утверждаетъ, что спеціализироваться слѣдуетъ послѣ полученія общаго образованія, и что это общее образованіе должно быть одновременно и научно и практично. Современному раздѣленію на интеллигентный и физическій трудъ Кропоткинъ противопоставляетъ соединеніе того и другого и взаѣмнъ „техническаго образованія“, которое означаетъ разграниченіе между умственнымъ и ручнымъ трудомъ, онъ требуетъ образованія интегральнаго (полнаго, совокупнаго), которое уничтожитъ пагубное раздѣленіе. По его системѣ, школа должна давать такое образованіе мальчикамъ и дѣвочкамъ, чтобы они, оставляя ее въ возрастѣ 18 или 20 лѣтъ, имѣли настолько основательное представленіе о наукѣ, которое позволяло бы имъ продолжать научныя занятія, и одновременно такія свѣдѣнія, которыя составляютъ основаніе техническихъ знаній, а также и такой навыкъ въ какой-либо отрасли производства, который бы далъ имъ возможность занять извѣстное мѣсто въ обществѣ производствѣ богатства.

По мнѣнію Кропоткина, проблема профессиональнаго образованія поставлена неправильно. Самый лучший способъ вырабатывать искусныхъ мастеровъ—это широко взглянуть на образовательную проблему, вмѣсто того, чтобы добиваться особенной ловкости въ одномъ ремеслѣ или давать обрывки въ нѣсколькихъ отрасляхъ науки. Съ другой стороны, верхушки знанія, полугайное зазубриваніе, огромная и непроизводительная потеря времени, рабская подражательность и умственная неподвижность являются результатами современной системы обученія. Выходъ единственный—соединеніе теоріи съ практикой: путь къ мозгу черезъ глаза и руки и обратно—вотъ настоящий принципъ обученія. Такъ, напримѣръ, при обученіи геометріи нужно, чтобы каждая теорема задавалась ученику для самостоятельнаго

рѣшенія въ видѣ задачи, при чемъ она должна быть запечатлѣна въ его умѣ въ самой конкретной формѣ, напр., въ игрѣ, ручныхъ занятіяхъ или мастерской. Точно такъ же ученики легко изучали бы физику и химію, если бы сами дѣлали простые опыты и сами создавали простыя машины. А сейчасъ, напримѣръ, во многихъ школахъ даже ариметикѣ обучаютъ отвлеченнымъ способомъ и набиваютъ бѣдныя головы множествомъ правилъ, и мы дѣлаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы слѣлать алгебру неудобопонятной.

Но огромна потеря времени сейчасъ и при изученіи ремесла, когда пытаются обучать только какому-нибудь спеціальному ремеслу, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ всестороннему систематическому обученію и исходить изъ общихъ основныхъ правилъ для изученія разнообразныхъ ремеслъ. А, между тѣмъ, самая сложная машина можетъ быть сведена къ немногимъ элементамъ (пластинки, цилиндры, конусы и т. п.), немногимъ инструментамъ (пиламъ, стамескамъ, молоткамъ и т. п.) и немногимъ видоизмѣненіямъ движенія (напр., видоизмѣненіе круговаго движенія въ прямолинейное при помощи эксцентриковъ). Точно такъ же для каждаго ремесла необходимо умѣть дѣлать пластинку съ параллельными поверхностями, цилиндръ, квадратъ и круглая отверстія, умѣть сработать нѣсколько инструментовъ, т. е. всѣ инструменты составляютъ видоизмѣненія не болѣе 12 типовъ, и умѣть также переводить одинъ рядъ движеній на другой.

Въ общемъ, при изученіи наукъ, ремеслъ и искусства главная цѣль школы состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы дѣлать спеціалиста изъ начинающаго ученика, но въ томъ, чтобы познакомить его съ основами науки и хорошей методой работы и, сверхъ того, дать ему такое общее направленіе, которое при дальнѣйшихъ его занятіяхъ влекло бы его къ истинѣ, къ любви, къ красотѣ формы и содержанія, къ чувству необходимости стать полезной единицей на ряду съ другими людьми и слить свое сердце съ общечеловѣческой жизнью.

Подобное полное, интегральное образование сулитъ неисчислимыя выгоды: 1) при наличности молодежи, обученной самымъ разнообразнымъ производствамъ, увеличивается всеобщее благосостояніе; 2) въ результатъ уничтоженія совершеннаго разграниченія работы на умственную, интеллигентную и физическую создается объединеніе интересовъ; 3) вслѣдствіе соединенія умственныхъ и физическихъ силъ образуется полнота пользованія жизнью для всякой отдѣльной личности; 4) произойдетъ рядъ выгодъ вслѣдствіе того, что ручной трудъ будетъ пользоваться общимъ уваженіемъ, вмѣсто того, чтобы носить на себѣ, какъ теперь, печать отверженія; 5) возрастетъ прогрессъ искусствъ и наукъ. Да, наши учителя искусства постоянно твердили намъ, что нельзя ожидать возрожденія искусства, пока ремесло остается въ своемъ настоящемъ видѣ, указывая на то, что греческое и средневѣковое искусство было порождено ремесломъ и взаимно поддерживало его. Но то же вѣрно и относительно наукъ и ремеселъ. Рабочіе-ремесленники (а не ученые и не инженеры) изобрѣли и усовершенствовали всѣ тѣ машины, которыя произвели переворотъ въ машинномъ производствѣ за послѣднія 100 лѣтъ, но съ устройствомъ громадныхъ фабрикъ рабочій, подавленный однообразіемъ своего труда, ничего болѣе не изобрѣтаетъ. Съ другой стороны, современная наука поражаетъ своей бесплодностью. Наши современные профессиональные ученые не одарены той геніальностью, которой отличались труженники при народженіи современной промышленности, и они будутъ лишены ея до тѣхъ поръ, пока, чуждые жизни, они будутъ оставаться посреди пыльных книгъ и пока не будутъ, покрытые сажею горновъ, сами работать вмѣстѣ съ рабочими на машинахъ и на машинныхъ заводахъ, пока не сдѣлаются моряками, рыбаками, дровосѣками и землепашцами.

Въ итогъ можно легко достичь того, что дѣти моложе 14—15 л. получать обширныя свѣдѣнія какъ о природѣ, такъ и о человѣчествѣ, усвоить способы примѣненія техни-

ческой работы и ученыхъ изысканій, и сердца ихъ глубоко проникнутся чувствомъ справедливости и солидарности. На тѣхъ же основаніяхъ должно построить и дальнѣйшее полное интегральное обученіе юношества.

Такимъ образомъ, мы видѣли, какъ, послѣ предуканій Песталоцци и Оуэна, съ одной стороны, Марксъ показалъ социальную необходимость всесторонняго полного образованія, а, съ другой стороны, Кропоткинъ доказалъ и желательность такого образованія, разработавъ нѣсколько детальнѣй подробности его. Такъ новая школа, исторія которой тѣсно связывается съ исторіей капиталистическаго производства и социалистическихъ идей, становится великимъ средствомъ въ той великой „борьбѣ за индивидуальность“, которую такъ ярко изобразилъ Михайловскій. Такъ интегральное полное образованіе, властно требуемое эволюціей промышленнаго производства и интересами рабочаго класса, создавая высокій типъ общественнаго развитія, борется съ тѣмъ основаннымъ на крайнемъ раздѣленіи труда обществомъ, гдѣ, по словамъ Михайловскаго, „топчется именно личность, индивидъ; личная свобода, личный интересъ, личное счастье кладутся въ видѣ жертвоприношенія на алтарь правильно или неправильно понятой системы наибольшаго производства“, гдѣ рабочій, по его словамъ, только „палецъ отъ ноги общественнаго организма“. И именно пролетарская педагогика, выросшая изъ условій фабричной работы, общается „палецъ отъ ноги общественнаго организма“ сдѣлать богатой и разнообразной, но цѣльной и гармоничной личностью.

4. Школа, какъ самоуправляющаяся трудовая коммуна.

Въ „Капиталѣ“ Маркса въ одной изъ цитатъ упоминается еврейскій историкъ, который, по поводу разрушенія Иерусалима Титомъ, замѣчаетъ, что нѣтъ ничего удивитель-

наго въ томъ, что онъ подвергся такому жестокому разрушенію, такъ какъ одна безчеловѣчная мать принесла въ жертву собственного сына для утоленія мученій ужаснаго голода. Но капиталистическая промышленность заставляетъ десятки тысячъ матерей ради хлѣба приносить въ жертву улицѣ и капиталу своихъ дѣтей. Капиталь лишилъ семью родителей, втянувъ и отца и мать въ фабричную работу: воспитатель ребенка рабочаго — грязная городская улица. Но этого мало: является потребность въ эксплуатаціи и дѣтскаго труда ради добыванія насущнаго хлѣба; мы являемся свидѣтелями самой отвратительной эксплуатаціи — эксплуатаціи родителями труда ихъ собственныхъ дѣтей, возмутительнаго рабовладѣльчески торгашескаго отношенія родителей — пролетаріевъ къ ихъ сыновьямъ и дочерямъ. Крупная промышленность разрушаетъ самымъ отвратительнымъ и ужаснымъ образомъ патріархальныя семейныя отношенія.

Но, отнимая у бѣдной семьи родителей и превращая дѣтей неимущаго класса въ механическую рабочую силу и, иногда хуже того, въ хулигановъ и проститутокъ, капиталъ не создаетъ здоровыхъ педагогическихъ условий для воспитанія дѣтей и въ семьяхъ буржуазіи: „семейный эгоизмъ нашъ отравляетъ въ самомъ корнѣ наше общественное воспитаніе — это его глубочайшая язва... Эгоизмъ, самолюбіе, тщеславіе дѣлаются побудительнѣйшими мотивами семейнаго воспитанія“ (Ушинскій). Буржуазія свела дошкольное воспитаніе къ усвоенію ребенкомъ „немужицкихъ“ манеръ и иностранныхъ языковъ, иными словами, къ тому, чтобы съ колыбели оторвать своего ребенка отъ націи и народа. Это дошкольное воспитаніе въ болѣе поздніе годы сводится исключительно къ подготовкѣ ребенка къ „конкурсу“ при поступленіи въ школу имущаго класса. И мы видали уже раньше, какъ этотъ духъ конкурса и состязанія окончательно покорилъ западно-европейскую буржуазную школу. Общество, живущее духомъ прибыли, карьеризма и конкуренціи, въ этомъ же духѣ воспитываетъ и будущаго побѣдителя

въ борьбѣ за „теплое мѣсто“ въ капиталистическомъ предпріятіи или правительственномъ учрежденіи.

Но пѣсня буржуазно-индивидуалистической культуры спѣта. Мы вступаемъ въ періодъ обобществленія: „экономическая исторія этого вѣка есть хроника почти непрерывнаго прогресса социализма“ (Уэббъ). На нашихъ глазахъ обобществляется хозяйственная жизнь, демократизируется государственная власть, социализируется вся бытовая жизнь вплоть до мельчайшихъ деталей семейнаго очага.

Проблему социализированной семейной жизни поставилъ Фурье. По мнѣнію Фурье, наиболѣе благоприятной средой для развитія людей новаго времени является фаланстеръ, общественное зданіе, объединяющее людей самаго разнаго положенія. При немъ имѣется земля и рядъ промышленныхъ заведеній для нуждъ жителей фаланстера. Все это образуетъ фалангу, нѣчто въ родѣ производительно-потребительной ассоціаціи. Жизнь новыхъ людей, включая сюда и ихъ семейную жизнь, такимъ образомъ, обобществляется; семья, въ ея теперешнемъ видѣ, не существуетъ, уступая мѣсто фаланстеру-коммунѣ. Этотъ фаланстеръ долженъ находиться „въ мѣстности, снабженной красивой рѣчкой, перерѣзанной холмиками, окаймленной лѣсами и годной подъ разныя культуры“. Иными словами, фаланстеръ находится на лонѣ природы, на „землѣ“, и главное занятіе жителей фаланстера — „культивировать свой садъ“. Для работъ въ этихъ общественныхъ садахъ и, вообще, въ фалангѣ организуются, между прочимъ, „маленькія орды“ дѣтей. Впрочемъ, слово „работа“, пожалуй, не подойдетъ: Фурье хочетъ, чтобы трудъ для человека сталъ привлекательнымъ, праздникомъ, спортомъ, чтобы люди трудились только изъ-за удовольствія.

Исходя изъ идей Песталоцци и Фурье, Фребель создать свои дѣтскіе сады. Дѣтскій садъ, это — общество маленькихъ дѣтей, которые развиваются, живя совмѣстной жизнью на лонѣ природы въ саду и занимаясь, въ видѣ игры,

приятнымъ для ребенка активнымъ и самостоятельнымъ трудомъ, преимущественно ручнымъ. Жизнь въ природѣ и игры-занятія—вотъ содержаніе здоровой дѣтской жизни. При этомъ для педагогики Фребеля типично именно объединеніе умственныхъ и ручныхъ занятій и занятій въ саду. Дѣтскій садъ Фребеля, это маленькая самостоятельная трудовая дѣтская община.

„Самый краткій и самый вѣрный путь въ государство будущаго Бебеля ведетъ черезъ дѣтскій садъ“ (Бетцъ). Это утвержденіе содержитъ много истины. Прежде всего, дѣтскій садъ является образцомъ общественнаго дошкольнаго воспитанія, при которомъ ребенка воспитываетъ не его уже разрушившаяся подъ влияніемъ капиталистическаго хозяйства семья, но общество. Отъ такого общественнаго воспитанія, конечно, только выигрываетъ ребенокъ, получающій навѣрняка нужное ему воспитаніе и застрахованный отъ случайностей рожденія и столь частыхъ семейныхъ невзгодъ, въ то время, какъ сейчасъ онъ подверженъ всѣмъ обстоятельствамъ соціальнаго неравенства (бѣдная и простая семья) и часто гибнетъ вслѣдствіе развала семьи, физическаго истощенія въ работѣ или моральной испорченности. Это общественное воспитаніе, замѣняя семейное, можетъ, при умѣлой организаціи, сохранить всѣ преимущества идеальнаго (но не современнаго) семейнаго воспитанія—ують, ласку, внимательность къ ребенку и т. п. Далѣе, являясь органомъ социализированнаго воспитанія, дѣтскій садъ, по своей организаціи, предвосхищаетъ черты грядущаго социалистическаго общества: онъ — самостоятельная трудовая коммуна, при чемъ, какъ сказано, происходитъ объединеніе, интеграція видовъ труда, именно физическій трудъ объединяется съ умственнымъ и земледѣльческій въ его наивысшей по производительности формѣ (работы въ саду и огородѣ) съ промышленнымъ въ его наиболѣе привлекательной формѣ—ручныя занятія, связанная съ свободной игрой и являющаяся выраженіемъ твор-

чества ребенка. Сейчасъ дѣтскій садъ начинаетъ подчинять своему влиянію и народную школу, которая, во всѣхъ своихъ новыхъ шагахъ, неизмѣнно копируетъ дѣтскій садъ. Будущая народная школа точно такъ же должна уподобиться самостоятельному трудовому обществу. „Каждая изъ нашихъ школъ должна представлять собой въ зародышѣ жизнь коммуны, въ своихъ занятіяхъ отражая жизнь окружающаго общества... Если въ школѣ каждое дитя будетъ воспитываться, какъ членъ такой маленькой коммуны, будетъ проникнуто духомъ общественнаго служенія и снабжено всѣми необходимыми средствами дѣйствительнаго самоуправленія, это дастъ намъ высшій и лучший залогъ того, что и жизнь общества будетъ цѣнной, прекрасной и гармоничной“, пишетъ самый выдающій современный педагогъ американскій мыслитель Дьюи.

Каково же должно быть устройство нашей социалистической дѣтской общины-школы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ уже современная американская школа, которая организуется по подобію американской демократической республики, исходя изъ убѣжденія, что только школа-республика можетъ воспитать республиканца. Итакъ, школа должна стать самоуправляющейся дѣтской трудовой коммуной интегральнаго образованія.

Передъ тѣмъ, какъ солнце начинаетъ подниматься надъ горизонтомъ, первые лучи его уже вѣщаютъ просыпающейся землѣ солнечный восходъ. Еще солнце социализма не взошло надъ человѣчествомъ, но первые лучи его уже свѣтятъ и одинъ изъ такихъ лучей—школа рабочаго класса. Организація этой школы должна быть копией идеальнаго соціального строя; методъ ея—самостоятельность и активность дѣтей; программа ея—синтетическое, интегральное образованіе. Въ этой школѣ нѣтъ прогресса для человѣческой культуры и нѣтъ свободы и счастья для рабочаго класса.